Известия высших учебных заведений Уральский регион

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 2008 году

ISSN 2074-6962

2015
№ 6

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-36395 от 26 мая 2009 г.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 40768.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Г. Н. Пряхин – доктор экономических наук, профессор *(главный редактор)*
Н. С. Конева – кандидат юридических наук, доцент *(ответственный редактор)*
Х. А. Амергужин – доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Казахстан)
В. В. Бледных – доктор технических наук, академик РАСХН
В. А. Бублик – доктор юридических наук, профессор
О. И. Бухтояров – доктор химических наук, профессор
К. К. Джаманбалин – доктор физико-математических наук, профессор (Казахстан)
А. Б. Джурич – доктор юридических наук, профессор (Сербия)
И. И. Долгушин – доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН, заслуженный деятель науки РФ
А. И. Иванский – доктор юридиических наук, профессор, заслуженный юрист (Украина)
М. С. Саликов – доктор юридических наук, профессор
А. Л. Шестаков – доктор технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Абрамовский – доктор исторических наук, профессор – ответственный редактор раздела «История»
А. А. Арямов – доктор юридических наук, профессор – ответственный редактор раздела «Право и политика»
Д. А. Дятлов – доктор биологических наук, профессор – ответственный редактор раздела «Биология»
С. С. Загребин – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ – ответственный редактор раздела «Искусствоведение»
О. В. Логиновский – доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ – ответственный редактор раздела «Информационно-компьютерные технологии и управление»
А. М. Ляхов – кандидат биологических наук, научный сотрудник – ответственный редактор раздела «Химия»
Е. Г. Прилукова – доктор философских наук, доцент – ответственный редактор раздела «Философия и социология»
В. Г. Рагозинская – кандидат психологических наук, доцент – ответственный редактор раздела «Педагогика и психология»
К. В. Ратников – кандидат филологических наук, доцент – ответственный редактор раздела «Филология»
И. В. Синявский – доктор сельскохозяйственных наук, профессор – ответственный редактор раздела «Сельское хозяйство»
Л. Ф. Телешева – доктор медицинских наук, профессор – ответственный редактор раздела «Медицина»
В. А. Федоров – доктор физико-математических наук, профессор – ответственный редактор раздела «Математика и физика»
А. Г. Шеломенцев – доктор экономических наук, профессор – ответственный редактор раздела «Экономика»

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы.

Учредитель:
Уральский государственный юридический университет
620066, г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21
Телефон: (343) 374-43-63
Эл. почта: rectorat@usla.ru

Адрес редакции:
Общество с ограниченной ответственностью «ИзЛиТ»
454010, г. Челябинск, ул. Гагарина, 9, офис № 7
Телефон: (351) 233-40-33
Эл. почта: izlit@yandex.ru

Подписано в печать 05.01.2016
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 4,7 Уч.-изд. л. 5,0
Тираж 500 экз. Заказ
Цена договорная

Изготовлено в полном соответствии с качеством предоставленных оригиналов заказчиком
в ООО «ПОЛИГРАФ-МАСТЕР»
454014, г. Челябинск,
ул. Академика Королева, 26
Тел.: (351) 281-01-37, 281-01-65

Научный журнал «Известия высших учебных заведений. Уральский регион» выходит 6 раз в год по следующим направлениям:
гуманитарные науки (искусствоведение, история, педагогика, политология, психология, социология, филология, философия, экономика, юриспруденция);
естественные науки (биология, ветеринария, медицина, сельское хозяйство, химия)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Ольков С. Г. Справедливость уголовного наказания: от талиона к экспониону 4

Арямов А. А. Криминальная критика 9

Окулич А. И. Проблема реализации в российском законодательстве положений Конвенции ООН о правах инвалидов как фактор, способствующий дискриминации личности по признаку инвалидности 16

Федоров В. В. Проблемы информационного обеспечения выборов 20

Сероус А. В. Роль и значение парламентских процедур в законодательном (представительном) органе государственной власти 23

ЭКОНОМИКА

Дегтярев П. Я., Пряхин Г. Н. Территориальная организация природопользования в контексте теории экономического ландшафта..... 31

ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЕ

Соколов С. Е., Васильева Н. А., Удотов Ю. А. Методика определения уровня удельного расхода прожигового железа, используемого при обслуживании лёток рудовосстановительных электропечей, выплавляющих ферросилиций, в зависимости от геометрических и электрических параметров электропечей 37

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Волкова Т. И. Управление временем и способы его расширения: некоторые аспекты и результаты исследования 43

ИСТОРИЯ

Егорова М. В. Историография советского периода о становлении системы среднего образования в дореволюционной России 58

Сибиряков И. В. «Севастопольское чудо»: газета «Правда» о праздничных мероприятиях, посвященных 100-летию героической обороны Севастополя 63

ФИЛОЛОГИЯ

Подлубнова Ю. С. Пограничный Екатеринбург: граница Европы и Азии как воображаемый конструкт и его литературные воплощения 70

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ратников К. В. Идейно-эстетическое обоснование С. П. Шевыревым программы государственного меценатства в сфере художественного творчества 82

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Рагозинская В. Г. Взаимосвязь перфекционизма и соматизации у студентов 89

Бенклян Н. А. Опыт психокоррекциии образа тела в реабилитации больных после холецистэктомии 96

ХИМИЯ

Барсукова Д. Н., Ратникова Л. И., Шип С. А. Особенности клинического течения рожи у больных сахарным диабетом 100

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

Подлубнова Ю. С.

Пограничный Екатеринбург: граница Европы и Азии как воображаемый конструкт и его литературные воплощения*

Podlubnova J. S.

Boundary Ekaterinburg: the border of Europe and Asia as an imaginary construct and his literary incarnation

В статье анализируется феномен пограничного географического и культурологического статуса города Екатеринбурга. Анализ выполнен на основе рассмотрения текстов художественной и документальной литературы, затрагивающих данную тематику.

Ключевые слова: *пограничье; Европа и Азия; культурный ландшафт; литературная рефлексия; диапазон интерпретаций.*

The article analyzes the phenomenon of border geographical and cultural status of the city of Yekaterinburg. The analysis is based on the consideration of texts of fiction and docu-mental literature affecting this subject.

Keywords: *borderlands; Europe and Asia; cultural landscape; literary reflection; interpretations range.*

Разговор о пограничье, определяющем образ места, в данном случае – Екатеринбурга, напрямую связан с географическим положением Урала и его смысловой оси – Уральских гор, осознающихся еще со времен античности как граница между изведанным и неизведанным пространством. Исследователь научных нарративов К. В. Анисимов пишет, что мощная традиция осмысления Рифейских гор как границы Европы и Азии сложилась в XVIII в. [1]. Уральский хребет был научно признан естественным рубежом между этими частями света (труды Ф. А. Полунина, С. И. Плещеева, И. П. Фалька, Г. Е. Щуровского и др.) [2–5]. Не менее важное место в создании конструкта евроазиатского пограничья заняли вербализованные впечатления путешественников, которые представляли пограничность региона не просто как географический фактор, но как явление социокультурного и даже цивилизационного порядка, когда Европа и Азия рассматривались как различные цивилизационные модели, взаимодействующие, но практически не пересекающиеся миры, кардинально разные образы мышления. Рубежность Уральского региона, расположенного на стыке культур, стала в этом плане серьезным мифогенным фактором, а Екатеринбург, который чуть ли не со дня основания имел амбиции столицы Урала, неизбежно вмещал в себя всю специфику региона – в том числе и коннотации пограничья.

Думается, примечательны в этом отношении современные попытки передвинуть границу Европы/Азии как можно ближе к городу, точнее, даже не саму границу, что, разумеется, невозможно, а ее символическое выражение – столб. Как результат, сегодняшние три столба: старый – недалеко от Первоуральска, еще один старый – практически рядом – на горе Березовой, и совсем новый, декоративный, находящийся на 17 км Ново-Московского тракта, сознательно приближенный к Екатеринбургу и часто принимаемый невзыскательными туристами за указующий на искомую границу. Таким образом, пограничное положение региона и уральская столица Екатеринбург в современных дискурсивных практиках стали еще более прочно

* Исследование выполнено в русле программы фундаментальных исследований УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX века».

соотноситься друг с другом, что, несомненно, повлияло на образ города и породило соответствующие ритуалы и культурные отклики [6].

Но вернемся в XIX в., чтобы констатировать оформление конструкта границы и его способность влиять на идентификацию места. Показательно, например, как Ф. М. Достоевский, который в июле 1859 г. возвращается после каторги в Омском остроге и службы в Семипалатинске в Европейскую часть России, отражает в письме А. И. Гейбовичу свое возбужденное состояние от пересечения географического рубежа: «В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрели наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел наконец Господь увидать обетованную землю. Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией…» [7, с. 361–362].

Разумеется, пограничность не была единственным фактором, определяющим лицо города. Так, например, Д. Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург» (1888) проговаривает принципиальные смыслы, позиционируя Екатеринбург как город-крепость и город горнозаводский и только походя упоминая впечатления путешественников Реклю и Аткинсона, увидевших настоящий европейский город на самом краю цивилизации. «О Екатеринбурге Реклю говорит следующее: “Екатеринбург, лежащий у восточного основания Уральских гор (порог которых, впрочем, находится всего только на 656 футов выше местоположения этого города), не пользуется такими же временными выгодами, как Тюмень, для речного судоходства; но он поставлен в столь же благоприятные условия в отношении сухопутных сообщений и покамест (до устройства сибирского рельсового пути) составляет конечный пункт железных дорог из Европы в Азию; он занимает центральное положение между двумя горнозаводскими областями, между Северным и Южным Уралом… Екатеринбург, который величается тем, что он еще европейский город, есть один из красивейших городов России”» [8, с. 285–286].

Интуитивно уральский писатель всё же улавливает определенную двойственность Екатеринбурга и выражает эти ощущения, противопоставляя друг другу отцов-основателей города: педантичного профессионала и однозначного европейца де Генина и всестороннего Татищева, вовсе не азиата, но и не европейца в узком смысле. «Геннин и Татищев, являясь противоположными натурами, отличным образом дополняли друг друга. Геннин внес с собой прекрасное знание горного дела, неусыпное рвение и честность, а Татищев, уступая ему по части специальных знаний горнозаводского характера, обладал почти гениальной всесторонностью, чем был и сам Петр I, этот первообраз всех русских самоучек» [8, с. 245].

Писатель также отмечает, что город, живущий по собственному уставу, являющий собой весьма военизированную картину, выбивается из привычного для уральского, тем более российского, образа жизни, преимущественно крестьянского, земельного, общинного, привнося в окружающую действительность определенный цивилизаторский заряд, устанавливая некие рамки (внешние законы, правила), которыми славятся, например, немецкие города, что вновь напоминает о европейскости Екатеринбурга, несмотря на его географическое азиатское положение.

В путевых очерках «От Урала до Москвы» Д. Н. Мамин-Сибиряк напрямую характеризует Екатеринбург как город «с 30-тысячным населением», «заброшенный на рубеж между Европой и Азией» [8, с. 131].

Сложившееся представление о пограничном городе – как правило, европейском форпосте на уже азиатской территории – неизбежно получает дальнейшие воплощения, артикулирующие несколько иные аспекты пограничности, но в целом указывающие на востребованность пограничной темы в локальной мифологии, особенно первой трети XX в. После литературы факта (писем, очерков) наступает время литературы образа. В частности, самым ярким примером осмысления границы Европы и Азии в литературе XX в. стали эпизоды повести

«Детство Люверс» (1922) Б. Пастернака, написанной непосредственно по уральским впечатлениям поэта, который, как известно, был приглашен Б. Збарским в 1916 г. во Всеволодо-Вильву, работал здесь в должности конторщика на химических заводах и побывал в Екатеринбурге в конце июня этого же года.

По сюжету повести, семья Жени Люверс переезжает из Перми в Екатеринбург. Еще в поезде девочка захвачена сильнейшим переживанием: «В очарованной ее голове “граница Азии” встала в виде фантасмагорического какого-то рубежа <…> Она ждала этого столба, как поднятия занавеса над первым актом географической трагедии, о которой наслышалась сказок от видевших, торжественно волнуясь тем, что и она попала, и вот скоро увидит сама.

А меж тем то, что раньше понудило ее уйти в купе к старшим, однообразно продолжалось: серому ольшанику, которым полчаса назад пошла дорога, не предвиделось скончанья и природа к тому, что ее в скорости ожидало, не готовилась. Женя досадовала на скучную, пыльную Европу, мешкотно отдалявшую наступление чуда. Как же опешила она, когда, словно на Сережин неистовый крик, мимо окна мелькнуло и стало боком к ним и побежало прочь что-то вроде могильного памятника, унося на себе в ольху от гнавшейся за ним ольхи долгожданное сказочное название! В это мгновение множество голов, как по уговору, сунулось из окон всех классов и тучей пыли несшийся под уклон поезд оживился. За Азией давно уже числился не один десяток прогонов, а всё еще трепетали платки на летевших головах, и переглядывались люди, и были гладкие и обросшие бородой, и летели все, в облаках крутившегося песку, летели и летели мимо всё той же пыльной, еще недавно европейской, уже давно азиатской ольхи» [9, с. 47].

Граница Европы и Азии в приведенном эпизоде – не столько географическое явление, сколько психологический рубеж, преодоленный Женей на пути к взрослению и обозначающий утрату очередной иллюзии детства. В данном контексте пограничье приобретает символическое значение, что точно улавливает Е. Фарыно, связующий физическое перемещение героини и ее внутренние изменения и тем самым актуализирующий соответствующий архетип поиска иного мира/высшего смысла/собственного «я»: «Есть определенное место, определенное пространство, где героиня должна измениться, стать другой Женей Люверс из-за того, что она перемещается в другое пространство» [10, с. 106]. Героиня перемещается и меняется (в том числе физически: начинает менструировать), однако ожидаемой фантасмагории и тем более «географической трагедии» на рубеже «пыльной и скучной» Европы и «сказочной» Азии не происходит. Это имеет несомненное значение для понимания общей картины мира Б. Пастернака, во многом отталкивающегося от историософских и футурологических концепций Серебряного века, хотя и не уходящего, скажем, в зарождающееся в конце 1910-х – начале 1920-х гг. евразийство. Автор «Детства Люверс» идет вразрез с эсхатологией и предчувствиями символистов, исполненных ужаса и одновременно гибельного восторга перед грезящимися им ордами азиатских племен, как бы готовых начать поход на европейскую цивилизацию и культуру, и выступает как человек, не раз пересекавший границу материков и не нашедший, по крайней мере, в пространстве Урала, ни загадочной Азии, ни какой-либо «желтолицей опасности».

Пастернак наделяет Женю Люверс, едущую в поезде мимо пограничного столба, скорее, взглядом предшествующего символизму романтика, представляющего Восток как ряд экзотических ландшафтов, обладающих особым сказочным колоритом. Но даже такой взгляд оказывается несостоятельным перед обыденной реальностью «азиатского» Екатеринбурга, так похожего, по словам поселившихся здесь героев, на Париж. Пожалуй, только наличие большого количества китайцев с бледными землистыми лицами (которые свидетельствуют лишь об их низком социальном статусе в городе, особенно в сравнении с безусловными хозяевами жизни – концессионерами бельгийцами) выдает азиатскость Екатеринбурга, которая здесь более никак не акцентируется. Настоящая граница Азии так и не пересекается Женей Люверс и непроизвольно отодвигается автором куда-то дальше на восток или на юг – в контексте повести

конкретная география не столь важна. Сама идея пограничности выводится за пределы пространственных рамок хронотопа и обретает значение в психологическом измерении, а также косвенно связывается с течением времени (взросление героини), что в целом можно считать несомненным художественным открытием Б. Пастернака, расширившего тем самым символическое поле уральского пограничья.

Другие писатели 1920-х гг. не были столь новаторски настроены, но также имели отношение к конструированию образа города. Так, например, азиатскость Екатеринбурга в текстах ленинградского прозаика Н. Никитина, возможно, побывавшего в городе в годы Гражданской войны, проявляется только через природно-климатические и социальные характеристики. Пыль в рассказе «25-го июля 1918 года» (день ухода красных), заполонившая Екатеринбург, является тем самым «субстратным элементом природной сферы» (В. Н. Топоров), который косвенно указывает на азиатское местоположение города, роднит его со степными и пустынными ландшафтами Ближнего Востока: «И на чугуне решетки, что выходит на воду пруда – пыль, и на губах рабочих караулов, где губы как из чугуна, тоже пыль. Эта пыль мелкой лентой бьется за колесами обозов. <…> Проклятое солнце льет звонкое, тягучее, как слизь, и тяжелое золото на дома, но дома – многие в ставнях, туго закрыты двери. Город закупорен этими домами. <…> Еще серее ложится пыль на губы» [11 с. 10]. Над пропитавшимся пылью городом кружит и кричит большая черная птица, провозвестница беды и еще один природный символ, вписывающий город в степные и пустынные ландшафты.

Палящее солнце и повсеместная пыль маркируют военное поражение красных, вынужденных отступить перед армией Колчака, а также общую социальную катастрофу, отодвигающую рождение нового мира с его ожидаемым решением старых межцивилизационных проблем.

Пыль интересна и вот еще в каком контексте. Тот же Б. Пастернак, вторично побывавший в городе в 1932 г. с заданием создать большое полотно о социалистическом строительстве, напишет в письме к Е. В. Пастернак: «Тут отвратительный континентальный климат с резкими переходами от сильного холода к страшной жаре и дикая гомерическая пыль среднеазиатского города, все время перемащиваемого и исковыренного многочисленными стройками. Самумы эти неописуемы» [12]. Пыль, таким образом, будет переквалифицирована поэтом из непременного атрибута скучного европейского города в явный признак сугубо азиатского пространства, что совпадет с никитинским видением города. Европейский Екатеринбург из повести «Детство Люверс» окажется полностью несоотносимым с азиатским Свердловском 1932 г., в котором поэт переживет множество неприятных моментов и откуда сбежит, так ничего и не написав о грандиозной уральской стройке.

Что касается Н. Никитина, то противопоставление европейского и азиатского в творчестве писателя заметно также в плане внутригородского распределения социальных ролей и статусов. В том же рассказе «25-го июля 1918 года» один из второстепенных персонажей китаец Лю-И-Сан, дурно пахнущий и варящий суп из мышей, помогает красному партизану Антону Черняку спастись от колчаковцев. На фоне интервентов (чехов, французов, итальянцев), занимающих видное положение в городском обществе и одновременно погрязших в разврате, китаец, находящийся внизу социальной пирамиды, выглядит настоящим гуманистом: он спасает жизнь человека, рискуя собственной. Европеизированный мир колчаковцев, в представлении Н. Никитина, не имеет твердой нравственной основы и потому обречен на гибель. Однако и азиатское в рассказах ленинградского писателя, несмотря на самоотверженного китайца, не получает однозначных положительных коннотаций – только революция с ее интернациональным идеалом должна снять социальное противостояние в городе, вместе с которым автоматически перестает быть актуальной и социальная оппозиция «Европа/Азия».

Именно в связи с политикой объединения земель и регионов, проводимой новой властью под эгидой идей интернационализма и «дружбы народов», воображаемый конструкт пограничья и представления о «пограничном» городе уже к середине 1920-х гг. отходят на вто-

рой план, значительно уступая горнозаводским коннотациям и производственной риторике, превратившей Екатеринбург в Свердловск, который, став индустриальным, внезапно утратил общее выражение лица, ибо все крупные промышленные города СССР, как точно заметил В. Маяковский в очерке «Рожденные столицы», оказались донельзя похожими друг на друга [13, с. 429–433].

Официальная установка на то, что внутри Советской Страны практически нет границ, стала определять содержание разговора об уральском пограничье в советской литературе последующих десятилетий. Как отмечает исследователь уральской пространственной мифологии В. Б. Махаев: «В культуре 20–50-х сформировался целостный образ Советского Урала. Советское пространство мыслилось равномерно освоенным, лишенным отсталых окраин и внутренних границ, в этом смысле Урал представлял органичную связь двух материков, востока и запада, крайнего севера и юга. Укорененный в национальной истории, расположенный в глубине страны и недосягаемый для врагов тыл, имеющий неисчерпаемые ископаемые богатства (природную базу коммунистической вечности) Урал приобрел образ незыблемого бастиона» [14, с. 125] (бастион вновь отсылает к разговору о городе-крепости).

К примеру, уральский поэт Лев Сорокин в стихотворении 1955 г. «На границе» охотно изображает столб на горе Березовой – тот самый, который запечатлел рвущийся в Европу Ф. М. Достоевский. Но при этом поэт всячески подчеркивает незримость, а стало быть, и несущественность, невсамделишность материковой границы:

Лишь белый столб
С чугунною оградой
Своим безмолвьем
Людям говорит,
Что по траве,
Невидимая взглядам,
Граница необычная лежит [15, с. 164].

Незаметное попадание из Европы в Азию в стихотворении (на пересечение материкового рубежа обращает внимание шофер, который везет героя) – еще один признак исчезновения конструкта границы из производства территориальных смыслов. Граница в советской риторике осознанно позиционируется как исключительно географический феномен, десакрализованная достопримечательность, доступная, повседневная, лишенная загадочности, позитивно осмысляемая:

Тут, у столба,
Слились две части света.
В какую надо –
Запросто шагну.
И, словно символ,
Единенье это
Проходит
Через всю мою страну [15, с. 165].

Утрата прежнего символического значения материковой границы в советской культуре зафиксирована и в повести уральского писателя Е. Пермяка «Кем быть?». Герои книги, дети, путешествуют по Свердловской и Пермской областям, изучая специфику горнозаводского края и современного производства. Они проезжают на поезде мимо столба и также не могут найти отличия между Азией и Европой:

«– Смотри, Валя, – крикнул Борис, когда мы переезжали границу, – наш паровоз уже Европе, а мы еще в Азии!

Мы проехали пограничный столб с надписью «АЗИЯ» с одной стороны и «ЕВРОПА» – с другой.

Дети старались заметить, найти какую-либо отличительную черту в ландшафте Азии и Европы.

– Никаких, понимаешь, изменений, – разочаровался Борис.

– Может быть, мы плохие географы?

– Нет! – ответил Вале человек в золотых очках, похожий на ученого, ему было лет под шестьдесят. – Не ищите разницы. Граница между Европой и Азией условна. Особенно в наше время <…>

Существенно то, что наш Урал, разделяя Европу и Азию, одновременно соединяет их в единый материк. Соединяет политически и экономически, в государственном и культурном отношении. Здесь, на рубеже Европы и Азии, мы доказали, что нет больше границы между европейским и азиатским» [16, с. 270–271].

Несмотря на то, что перед нами явная пастернаковская аллюзия – дети, подобно Жене Люверс, едут в поезде, причем в обратном направлении (из Свердловска/Екатеринбурга в Молотов/Пермь), подобно ей же, они ищут ландшафтные отличия, не находят и чувствуют разочарование, – пересечение границы принципиально не влияет на их жизнь. Граница оказывается внеположена их ощущению пространства и времени, что лишний раз подчеркивает ее общую десакрализованность.

Более того, мы видим, что конструкт материковой границы в советской культуре, вообще-то лелеющей всяческие внешние границы (вспомним высокий статус пограничников в риторике и литературе сталинского времени), претерпевает содержательную трансформацию: граница в таком случае не разъединяет, а объединяет, то есть воспринимается как шов, надежно скрепляющий единое советское пространство. Не случайно Е. Пермяк делает в повести попытку реабилитировать Азию и азиатское:

«Азия? Сколько диких представлений связывали с этим словом!

Азиаты... Сколько веков пытались сделать это слово нарицательным, ругательным! Азиатами называли и нас, самых передовых людей мира, строителей и граждан первого социалистического государства.

Азиатчина... Этим словом “просвещенные” деятели капиталистических государств Европы хотели очернить наших людей...» [16, с. 269]. Такое специально не обозначенное евразийство соответствует общему видению единой советской страны, перекрывающему старые представления о границах и пространствах.

Стоит отметить, что сама глава «Из Азии в Европу», которую мы цитируем, появилась лишь во втором варианте повести, вышедшем в 1948 г., в то время как в версии 1946 г. (обе книги увидели свет в издательстве «Молодая гвардия») ее попросту не было. Думается, что повесть была намеренно переработана писателем, учитывающим политику государства в области литературы после знаменитого постановления 1946 г., с целью укрепления идеологической составляющей и внедрения официальных мифологических конструктов.

Собственно, по-другому граница Европы и Азии в советское время осмысляться вряд ли не могла: пограничье теряло специфическую культурную составляющую и всё дальше отодвигалось от Свердловска. Заметим, что оба текста – Л. Сорокина и Е. Пермяка – никак не связывают город и границу.

Однако тема столкновения цивилизаций в советской литературе вовсе не исчезла. Она, скорее, трансформировалась и продолжила существование на уровне межнационального диалога – творчество таких уральских и сибирских авторов, как Р. Валеев, Ю. Шесталов, Е. Айпин, А. Неркаги, Л. Лапцуй, Ю. Вэлла и др., посвященное культуре и быту нацменьшинств: башкир, татар, хантов, манси и т. д. Впрочем, сам конструкт географически обусловленной границы не был должным образом востребован в национальных дискурсах.

Противопоставление цивилизационных векторов Европы и Азии, сошедшихся в некоей пограничной точке, которая, собственно, и позволяет увидеть это противопоставление, актуализировалось лишь в постсоветский период – на волне поисков региональной идентичности, не то чтобы обновляющих, но существенно перекраивающих смысловые поля региональных топосов [17]. Литературе вновь оказалась необходима идея пограничья и пограничности

именно Екатеринбурга, которая, без сомнения, получила иное звучание и иные возможности для художественного воплощения.

В частности, наиболее радикальный пример использования конструкта границы Европы и Азии для создания художественной картины мира являет роман тюменского писателя Владимира Молотова[1] «Урал атакует» (2011), написанный в жанре постапокалиптики с элементами шпионского детектива. Культурные смыслы пограничья, востребованные в досоветское время, в книге В. Молотова не реабилитируются, зато конструкт приобретает геополитическое значение, ни в коей мере не разъясняющее ментальное несовпадение Запада и Востока, но позволяющее оперировать возможными сценариями и апеллировать к жесткой прагматике, связанной с текущим политическим моментом.

По сюжету романа, после мирового экономического кризиса разражается ядерная война, уничтожившая Москву и несколько крупных городов европейской части России, и страна распадается на отдельные государства. Некоторые из них управляются Западом во главе с Америкой, некоторые – восточным блоком во главе с Китаем. Уральская Независимая Республика – она же УНР – со столичным Екатеринбургом, как бы заместившим Москву, является форпостом китайской части страны и формулирует в качестве миссии возрождение всей России (именно здесь разрабатывается сверхмощное оружие против Запада). «После Челябинска, километров через сто – сто двадцать, будет пограничный блокпост. Там к вам присоединится сопровождение. Наши южные братья приготовят два БТР “Гильза”. Они пойдут на полкилометра впереди, чтобы в случае чего проводить зачистку. Стало быть, бояться вам нечего – прокатитесь с ветерком. Когда начнется Башкирская Независимая Республика, мандат, конечно, станет бесполезным. Но, к чести башкирской полиции, в республике относительный порядок. Правда, можно нарваться на перестрелку в схватке за какую-нибудь нефтяную качалку. После Уфы пойдут бесхозные территории…» [18, с. 144].

В основе романа В. Молотова находится концепция неоевразийства А. Г. Дугина, позиционирующая Запад (атлантизм) как врага России и Азии. В терминах первой половины 2010-х гг. эта концепция является патриотической и во многом коррелирует с внешнеполитической доктриной российской власти. Однако ее воплощение в романе – создание в самом центре России, пусть и распавшейся в результате ядерных катаклизмов, независимого государства УНР (и государства БНР) – таким же образом противоречит данной доктрине, ибо автор вольно или невольно реанимирует идею создания Уральской республики, актуальную в 1990-е гг. и намеренно проигнорированную президентом Б. Н. Ельциным, выбравшим в качестве приоритета сохранение целостной и централизованной страны. Это в значительной степени дезавуирует неоевразийский пафос произведения В. Молотова.

Тем не менее, показательно, что оплотом российскости в романе является Урал, регион по-прежнему индустриальный и многонациональный, во многом оправдывающий репутацию «опорного края державы», ее оси и своеобразного центра. Автор актуализирует образ города-крепости и города, распространяющего свое влияние на окружающие территории. Екатеринбург выступает центром силы, цивилизаторские возможности которого потенциально скрыты, хотя и заявляются через формулирование миссии – возрождения российской цивилизации, опирающейся на «светлое прошлое» с сильным президентом и эффективным РОСНАНО.

Осознание Урала и Екатеринбурга как места силы, в том числе в контексте границы, – отнюдь не новаторство В. Молотова. Как отмечает М. В. Тлостанова, ссылаясь на Г. Асальдуа: «Пограничье – это особая субъектность и самоощущение того, кто не пересекает или преодолевает границы, не рассуждает о них с некой отстраненной псевдообъективной позиции наблюдателя, вынутого из мира, но сам и есть граница, потому что живет внутри разлома пограничья» [19, с. 74]. Пограничье, нередко моделирующееся как цивилизационный,

[1] Настоящая фамилия Молотилов. Роман получил специальную премию «ЕврАзия» на конвенте фантастов «Аэлита» в 2012 г.

культурный, метафизический разлом, в ряде художественных концепций ведет к высвобождению особой энергии, неизбежно ощущаемой обитателями этой территории и теми, кто так или иначе соприкасается с ней. Обитатели же сами нередко становятся субъектами разлома и генераторами энергии. В подобном контексте географическое положение города, ставшего точкой силы, отходит на второй план, а дихотомическая модель Европа/Азия теряет актуальность, уступая место иным моделям, программирующим иные смыслы пограничности города.

Так, например, в историко-мистическом романе О. Батталова и С. Петрова «Не буди» (первая часть – 1999) Екатеринбург скрывает портал, через который пытаются вырваться посланцы ада. Зло напрямую влияет на российскую историю и на историю города, невольно придавая ему статус мировой столицы зла. Важной точкой схождения истории и географии в романе является убийство Николая Романова и его семьи в Ипатьевском особняке (глава 98, опубликованная пока только в Интернете). После расстрела комендант особняка Юровский изображает на стене комнаты каббалистические знаки, утверждающие: «Здесь по приказанию тайных сил русский царь был принесен в жертву для разрушения Русского государства. О сем извещаются все народы» [20]. Над кровавым местом витает Асмодей, и силы зла ликуют от того, что наступает время их правления, а Екатеринбург как медиатор между мирами транслирует зло далеко за пределы региона и страны.

В книге Алексея Иванова «Ебург» (2014) город предстает в переломную для новейшей российской истории эпоху 1990-х. Екатеринбург принципиально определяется как экспериментальная площадка перестроечного и постперестроечного времени, выразитель духа времени, как харизматический, неуемный, реформаторский, опасный. «Удивительно, что решения Ебурга часто оказывались более остроумными или более адекватными, чем решения Москвы или решения российской провинции. Вот по этим причинам опыт уже ушедшего от нас Ебурга общезначим для нации» [21, с. 574]. Город ощущает энергию исторического перелома и становится символом пограничности самой эпохи. В интервью «Российской газете» А. Иванов, рассуждающий по поводу книги, отмечал: «Что ж, Екатеринбург жил очень бурно, на полную катушку, и ему есть что вспомнить. Кроме разбойников и политиков в те годы были ведь и художники, и киношники, и музыканты, и драматурги, и бизнесмены, и общественные деятели, и различные гражданские движения. Были и травмирующие события – страшная премия “Мрамор”, забравшая поэтов Романа Тягунова и Бориса Рыжего, убийство Бэллы Немыкиной и Юрия Альтшуля, история с епископом Никоном, оскорбление Эрнста Неизвестного… Городу до сих пор больно, до сих пор многое непонятно» [22].

Пограничность эпохи определяет и пограничность многих судеб, изображенных в книге: из энтузиастов своего дела герои, выдержавшие испытания времени, превращаются в профессионалов, и затем некоторые из профессионалов – вновь в маргиналов, как, например, главный строитель МЖК Евгений Королев, однажды бросивший всё и уехавший в Индию, в ашрам гуру Сатьи Саи Бабы и умерший в психиатрической больницы на Дальнем Востоке в 2010 г.

Место и время важны и для О. Славниковой. Известно, что до романа «2017» в ее текстах присутствовал условный провинциальный российский город, в некоторых моментах напоминающий Екатеринбург, но никак не обозначенный специальным образом. В очерке «Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга» писательница признавалась: «Что касается Екатеринбурга, то с городом тоже не всё в порядке. Гений этого места лукавит и ускользает: “материальная среда” очень плохо поддается описанию и переносу в художественный текст. Сопротивление материала таково, что как только прозаик пытается заключить в слова некий реальный объект, так последний начинает “путать показания”, либо тихо испаряется, либо предстает невыносимо скучным, недалеко ушедшим по жизни от своих проектных чертежей» [23]. В романе «2017» (2006) Екатеринбург, который по-прежнему не называется своим именем, имеет существенно большее количество узнаваемых примет: наименования улиц, городские объекты и т. п. Именно здесь, в пространстве города и прилегающих территорий, вынуждены

сосуществовать полностью контролируемый мир современной цивилизации и стихийные силы, природа которых не до конца прояснена, но, возможно, связана с коренной сущностью уральского мира и мифа [24]. «Как бы далеко от местности и быта ни простирались интеллектуальные интересы рифейца (многие хитники в легальной части своих биографий работали на космос и оборону) – он знал всегда, что рудные и самоцветные жилы есть каменные корни его сознания. Мир горных духов, где всегда пребывал и пребывает рифеец, есть мир языческий…» [25, с. 84].

Город, ощущающий пограничное пересечение миров, порождает энергию революции, сначала карнавально разыгрываемую, а затем превращающуюся в настоящее стихийное действо, охватившее страну: «О мясорубке на площади центральные каналы дали краткие сюжеты, с малоузнаваемыми панорамами рифейской столицы и одним и тем же ряженым буденовцем, вздымающим в синее небо могучее красное полотнище со свежим и мокрым пятном посередине. Местные телекомпании показали подробные последствия взрыва на Космонавтов: развороченный угол пассажа, окровавленные, слипшиеся ежом волосы милиционера – и странную, дырявую листву там, где сыпануло гранулами неизвестной химии…» [25, с. 370]. «Это же ужас, что вокруг творится! Официально Президента кладут на операцию, а на самом деле это будто бы не операция, а домашний арест. Сама видела на днях, как мужчина прямо по улице тащил пулемет, запросто так, будто это пылесос какой-то» [25, с. 526].

Всякая граница, согласно Ю. М. Лотману, принадлежит как минимум двум семиосферам, находящимся как бы по разные стороны границы [26, с. 262]. В романе О. Славниковой пограничность города маркируется интертекстуально, актуализацией мира бажовских сказов (образов и мотивов), проступающего сквозь холодную и унылую реальность города в 2017 г. Мир горных духов у О. Славниковой вторгается в мир людей, напрямую определяя его событийность. Так, Каменная Девка – реальная хозяйка Екатеринбурга. Ее аутентичность скрыта для героев, даже для тех, кто ищет в горах корундовую жилу, зато она сама появляется в пространстве уральской ойкумены, когда заблагорассудится – то в виде интеллигентной дачницы, испачканной ягодами и раздавленными комарами, то в виде буфетчицы на полустанке, то в виде пятнадцатилетней девчонки в свободной майке – в любом женском обличии, привычном миру людей. Хозяйка привораживает человека, заставляет полюбить себя, манипулирует им, но все равно когда-нибудь обманывает: «Испытуемый то верит, то не верит в истинность собственного чувства; зыбкой ночью, когда неподвижное тело подруги вдруг тяжелеет во сне и продавливает свою половину кровати, будто поваленная статуя, мужчине приходит мысль, что легче вспороть себе живот, нежели вскрыть для проверки собственную душу – по крайней мере, первое физически возможно. Самоубийства от счастливой любви, от вполне разделенного чувства – не такая уж редкость в рифейской столице» [25, с. 86].

О. Славникова оперирует уже сложившейся системой образов, модернизируя ее, приспосабливая к новой реальности, и в то же время указывая на скрытое, потаенное, обозначая идентичность территории, не всегда очевидную, но явленную в культурной памяти. Как отмечают исследователи, «провинция противостоит Центру, ее таинственность происходит от невыраженности, а описание ее мистической мощи есть символическое предупреждение…» [27, с. 339].

Сочетание конструкта географической материковой границы и пограничья какого-либо иного рода, когда происходит «постоянное переключение культурных, понятийных, языковых кодов и дискурсов» [18, с. 71], встречаем в пьесе братьев О. и В. Пресняковых «Европа-Азия», созданной на рубеже тысячелетий, в 2001 г. Действие пьесы разворачивается около тяжелого каменного столба, с одного бока напоминающего ногу слона (отсылка к Азии, хотя, возможно, и к «России – родине слонов», известной по анекдотам советского времени), с другого – ракету, угрожающую недругам (скорее, также напоминание о советском прошлом), как раз одного из трех «екатеринбургских», судя по всему, того, который находится недалеко от Первоуральска.

На этом месте промышляет банда мошенников, переодетая в «свадьбу» и вымогающая деньги у автомобилистов и туристов, которые прибывают посмотреть на географическую достопримечательность. Действие разворачивает по логике карнавала (нередкая логика для «новой драмы»): свадьба оказывается настоящей кровавой бандой, однако и банда есть не что иное, как персонифицированное выражение абсурдности русского бытия, что проявляется, когда около столба останавливается группа заинтересованных наблюдателей – иностранных туристов: «Это была последняя капля, которая переполнила и так не совсем глубокую чашу терпения Поника. Резким движением руки он навел ствол на голову “матери” и, не раздумывая ни секунды, – выстрелил. Все стоящие ахнули, лежащие – еще глубже уткнулись в землю. Как только грянул выстрел, “дети” достали из-за пазухи целлофановые пакеты с клеем и принялись вдыхать токсичные пары – они делали это, чтобы уйти в мир грез и не наблюдать картины кровавого насилия, – так в них проявлялась годами выработанная привычка, смысл которой состоял в бессознательной попытке продлить детство на пороге взрослого криминального мира. А “мать” – это было просто чудо, и иностранцы, изредка поднимая глаза кверху и тут же пряча их и водя по земле онемевшими губами так и твердили: “it’s a miracle, it’s a miracle” – “мать”, как заправский кик-боксер, успела закрыть лицо руками... Она как бы поставила блок пуле, – и та – ну, это действительно чудо! – застряла в мясе ее ладошек, так и не долетев до лица женщины. “Мать” медленно отвела блок от головы, взглянула – как бы между прочим – на расплавленные ладони и недовольно хмыкнула. Она демонстрировала всем, – и прежде всего – этим “боцам” и “поникам”, что у нее пониженный порог болевой чувствительности – типичное последствие ствольной дисфункции мозга, когда левое и правое полушарие головного мозга действуют автономно, в результате чего в сознании человека отсутствует целостная картина мира, и ему нравится глазеть по MTV все эти видеоклипы, кривляться в жизни так, как будто это вовсе и не жизнь, а какой-нибудь театр, иногда даже гениально философствовать и делать еще много чего такого, что нельзя назвать нормальным» [28]. И далее: «В это время со стороны шоссе доносятся звуки ревущих двигателей, раздается скрип тормозов, хлопают дверцы авто, слышатся голоса людей, смех, визг, стреляют пробки шампанского... На лужайку к стеле “Европа-Азия” надвигается еще одна свадебная процессия, теперь уже, видимо, настоящая. В толпе выделяются жених, невеста, свидетели, тут же – мамы, папы, тетки, дядьки. Все они пьяны и хотят еще “поддать” на природе – в руках у них фужеры, бутылки, венок с надписью: “Помним, любим, надеемся...”. Молодые возлагают венок к стеле, по всей видимости, считая ее памятником жертвам каких-нибудь репрессий или войны. “Дети” продолжают безудержно смеяться, – наверное, в эти самые мгновения на арене их цирка – “гвоздь” всей программы; Поник все так же растерян – он никак не может совладать с дергающимся глазом, хотя пытается зафиксировать веки руками; иностранцы лежат» [28]. Карнавал достигает апогея: участники обеих свадеб безудержно наносят друг другу увечья, одновременно предаваясь свальному греху.

Конструкт пограничья в пьесе реализуется в нескольких планах, где географическое – лишь внешний знак, указующий, скорее, на онтологичность происходящего – обнажившуюся борьбу Эроса и Танатоса. Герои у столба находятся на границе жизни и смерти, воспринимая это состояние как естественное, хотя внешнему наблюдателю очевидны несовпадение ситуации с представлениями о какой-либо норме, а также пограничность сознания самих героев, не способных идентифицировать норму и экстериоризующих некую истинную, но грубую сущностность, проявляющуюся в формах насилия и нерегламентированного полового акта.

Пограничье географическое и пограничье онтологическое в моделируемом конструкте дополняются еще одним планом: определенного рода культурной рубежностью, которая возникает из-за несовпадения менталитета иностранцев, отстраненно смотрящих абсурдистское русское шоу, и непосредственно участников этого шоу, проживающих бессмысленное и кровавое действо в режиме реалити: «Одна оставалась только “мать” – она сидела на лужайке впереди всех и разглядывала странный подарок Касика. К ней подбежал иностранец и стал

фотографировать ее. Сделав несколько снимков, он подсел к ней, уставился ей в глаза, пытаясь, видимо, навсегда запечатлеть в своем сознании эту необычную и непонятную для него физиономию, – наверное, он думал в этот момент, что вот она – загадочная русская душа, и надо бы ее хорошенько разглядеть, чтобы потом рассказать о ней своим друзьям по работе. А “загадочная русская душа” подмигнула ему и протянула стаканчик...» [28]. Европа и Азия, цивилизованный Запад и буйствующая Россия, сходятся у пограничного столба, смотрят друг на друга и не могут преодолеть собственных рамок. Запад не может понять Россию, хотя и не отвергает при всём ее внешнем карнавальном безумии, и она готова открыться Западу, хотя понимать и принимать его ей некогда: ожесточенная борьба Эроса и Танатоса идет постоянно.

Поликодовость границы в пьесе братьев Пресняковых, в контексте региональных дискурсов, в том числе художественных, – несомненное продолжение моделирования конструкта в направлении, заданном Пастернаком, преодолевшим географию с помощью психологии и символизации. Однако материковая граница со столбом и Екатеринбург в пьесе соотносятся слабо, больше в некоей затекстовой реальности. Уральское здесь уступает место общероссийскому. Драматурги сосредоточены на изображении русской души, они опускают территориальные подробности и культурные особенности топоса, расположенного недалеко от уральской столицы. Тем не менее, выбрав именно «екатеринбургский» пограничный столб из всех возможных столбов (а их немало, на евроазиатских рубежах страны), авторы пьесы довольно однозначно обозначают центр силы и точку активации русской души, вновь напоминая, пусть и в характерном постмодерновском ключе, об «опорном крае державы» и «хребте России».

Таким образом, мы видим, что конструкт границы между Европой и Азией, генерируемый литературой, по мере его развития наделяется всё более широким набором признаков и символизаций, которые зачастую напрямую зависят от заказа времени (особенно в советское время), однако в целом преодолевают его сугубый географизм и выводят его в разряд культурологических, психологических, онтологических и каких-либо иных феноменов. Пограничье приобретает многозначность, а события, происходящие в пограничной зоне, – эпохальность в рамках частой судьбы или даже судьбы страны. Пограничность, ставшая одним из мифогенных факторов, влияющих на формирование образа Екатеринбурга, так или иначе масштабирует значение города для региона, страны, мира, придавая ему нередко статус столицы (Урала или столицы 1990-х, как в книге А. Иванова) или же некоей точки генерации и сопряжения сил и энергий. В этом смысле Екатеринбург, с XVIII в. всё более обрастающий пограничными образами и смыслами, увеличивает свою символическую привлекательность и приобретает устойчивый имидж города одновременно провинциального и столичного, стихийного и цивилизующего, таинственного и энергичного, многообещающего и опасного – европейского и азиатского, если снова возвращаться к географии.

Литература

1. Анисимов, К. В. Урал и Сибирь в научной литературе XVIII века: становление поэтики этнографического описания (Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев) // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. – Екатеринбург, 2006. – С. 16–26.
2. Полунин, Ф. А. Географический лексикон Российского государства. – СПб., 1773.
3. Плещеев, С. И. Обозрение Российской Империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии, с показанием новоприсоединенных к России от Порты Оттоманской, и от Речи Посполитой Польской областей. – СПб., 1793.
4. Фальк, И. П. Записки путешествия академика Фалька. – СПб., 1824.
5. Щуровский, Г. Е. Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. – М., 1841.
6. Назукина, М. В. «Граница» в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2007. – № 1. – С. 11–17.
7. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 28. Кн. 1. – М., 1985. – 544 с.

8. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 12. – Свердловск, 1951. – 386 с.
9. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. – Т. 3. – М., 2004. – 632 с.
10. Фарыно, Е. Мифопоэтичность пастернаковских локусов: откуда и как туда попадают и как и куда оттуда выбираются // «Любовь пространства…»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. – М., 2008. – С. 105–116.
11. Никитин, Н. Н. Бунт. – Пг., 1923. – 194 с.
12. Лишний гость. Почему великий поэт Борис Пастернак «удрал» с Урала: [Эл. ресурс]. URL: http://газета-уральский-рабочий.рф/specialissues/?special=1469 (дата обращения: 25.11.2015).
13. Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – Т. 9. – М., 1958. – 446 с.
14. Махаев, В. Б. Образ Урала в советской пространственной мифологии 20–50-х гг. // Пермское Прикамье в истории Урала и России. – Березняки, 2000. – С. 125–130.
15. Сорокин, Л. Л. Рябиновые зори: Избранное. – М., 2000. – 704 с.
16. Пермяк, Е. А. Кем быть? – М., 1948. – 344 с.
17. Назукина, М. В. «Граница» в дискурсе идентичности региональных сообществ России: [Эл. ресурс]. URL: http://pandia.ru/text/77/205/80362.php (дата обращения: 25.11.2015).
18. Молотов, В. Урал атакует. – М., 2011. – 320 с.
19. Тлостанова, М. В. Исследования пограничья / vs пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т. 6. – С. 74–81.
20. Баталов, О. Не буди / О. Баталов, С. Петров: [Эл. ресурс]. URL: http://www.proza.ru/2014/11/20/1169 (дата обращения: 25.11.2015).
21. Иванов, А. В. Ебург. – М., 2014. – 574 с.
22. Дубичева, К. Писатель Алексей Иванов реабилитирует суровые 90-е Екатеринбурга // Российская газета. – 2013. – 17 июня.
23. Славникова, О. А. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга: [Эл. ресурс]. URL: http://victorcity.narod.ru/Texts/slavnikova.htm (дата обращения: 25.11.2015).
24. Алексеева, М. А. «Объект, к освоению не предназначенный»: пространственная модель мира в романе О. А. Славниковой «2017» // Литература Урала: история и современность: Сб. статей. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. – Екатеринбург, 2008. – С. 213–221.
25. Славникова, О. А. 2017: Роман. – М., 2008. – 544 с.
26. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2000. – 704 с.
27. Бучельникова, Л. А. Екатеринбург-Свердловск как биографическое пространство в творчестве писателей XXI века / Л. А. Бучельникова, М. А. Литовская // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность: В 2 кн. – Кн. 2. – Екатеринбург, 2008. – С. 339–344.
28. Пресняков, О. Европа-Азия / О. Пресняков, В. Пресняков: [Эл. ресурс]. URL: http://text.tr200.biz/knigi_dramaturgija/?kniga=293094&page=6 (дата обращения: 25.11.2015).

Подлубнова Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики в области культуры, Екатеринбургская академия современного искусства, info@eaca.ru

Julia S. Podlubnova, candidate of philological sciences, associate professor, department of journalism in the field of culture, Ekaterinburg academy of modern art, info@eaca.ru

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2015 г.